

ДЖЕЙМС
КЛАВЕЛЛ

УРАГАН

Книга 1
ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
К 47

James Clavell
WHIRLWIND
Copyright © 1986 by James Clavell
All rights reserved

Перевод с английского Евгения Куприна

Оформление обложки Ильи Кучмы

Карты выполнены Вадимом Пожидаевым-мл.

Клавелл Дж.

К 47 Ураган. Книга 1 : Потерянный рай : роман / Джеймс Клавелл ; пер. с англ. Е. Куприна. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 864 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-11666-5

Февраль 1979 года. Иран. Шах бежал, и к власти пришел аятолла Хомейни. В стране кипят страсти, активно действуют фанатики ислама, революционеры всякого толка, не остаются в стороне и спецслужбы великих держав, крайне заинтересованных в иранской нефти. Спокойная жизнь пилотов вертолетной компании, которой негласно управляет Благородный Дом, закончилась: необходимо получить разрешения на запуск двигателей, на взлет, на полет в определенное место. В такой обстановке компания практически поставлена на грань выживания, и ее руководство решает прекратить работу, вывезти вертолеты и людей в безопасное место...

«Ураган» — это последний роман «Азиатской саги» Клавелла.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

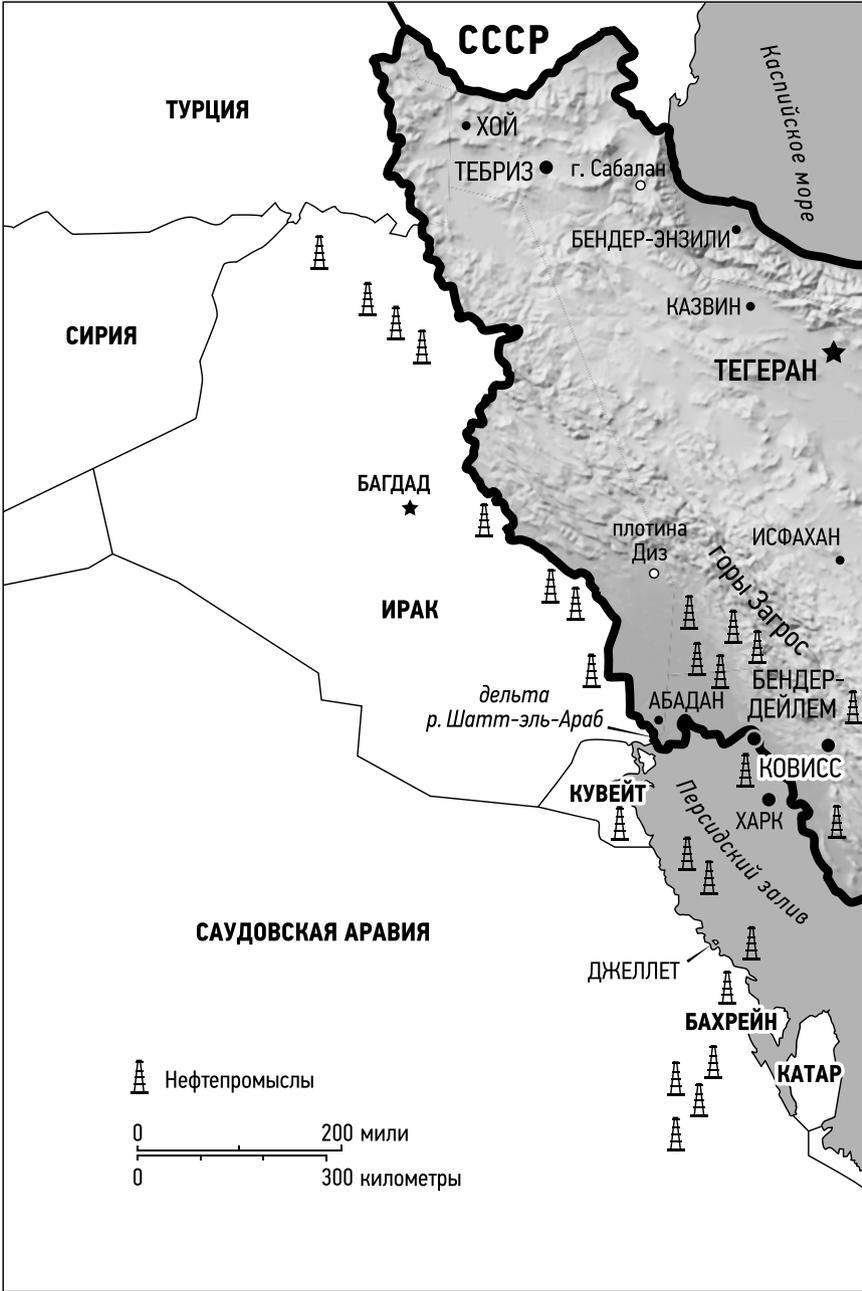
© Е. А. Куприн, перевод, 2019
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2019
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-11666-5

*Посвящается
ШИГАЦУ*

Это рассказ о событиях, происходивших в охваченном революцией Иране в период с 9 февраля по 4 марта 1979 года, задолго до возникновения кризисной ситуации с захватом заложников. Я старался, чтобы моя история получилась как можно более реалистичной, но книга — художественное произведение, где персонажи вымышлены и многие из мест выдуманы. В мои намерения не входило делать намеки на какое-либо лицо или компанию, которые являлись или являются частью нашей эпохи. Разумеется, тени противоборствующих гигантов, его императорского величества шаха Мохаммеда Пехлеви (и его отца, Реза-шаха) и имама Хомейни, ложатся на созданные мной персонажи и являются жизненно важной частью этого повествования, хотя сами лидеры в нем и не изображены. Я постарался воссоздать точную, пусть и выдуманную, картину тех времен, тех разных типов людей, коим выпало их пережить, тех мнений, которые существовали и могли бы быть высказаны, но ничто из написанного мной в этой книге не было продиктовано неуважением.

Это мой рассказ; и он не о том, как события происходили на самом деле, а о том, какими они представлялись мне в эти двадцать четыре дня...

Так как они сеяли ветер,
То и пожнут бурю.

Ос. 8: 7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЯТНИЦА
9 февраля 1979 года

ГЛАВА 1

ГОРЫ ЗАГРОС. ЗАКАТ. Солнце коснулось горизонта, и всадник устало натянул поводья, радуясь, что наступило время молитвы.

Хусейну Ковисси, крепко сбитому иранцу, было тридцать четыре года; кожа у него была светлая, глаза же и борода — темные, почти черные. Из-за плеча выглядывал советский АК-47. Путник закутался от холода; поверх перепачканного дорожной грязью халата ремнем был перехвачен грубый овчинный полушубок из тех, что носили кочевники-кашкайцы, на голове — белая чалма, на ногах — поношенные сапоги. Уши были плотно прикрыты, поэтому он не слышал далекого пронзительного воя реактивных двигателей приближавшегося вертолета. Привязанная к лошади усталая выючная верблюдица нетерпеливо дернула за веревку, требуя корма и отдыха. Он рассеянно обругал ее, спешиваясь.

На этой высоте, почти восемь тысяч футов, воздух был разреженным и холодным, очень холодным. Снег лежал толстым покровом; ветер гнал поземки, задувая снег на дорогу и делая ее предательски скользкой. За его спиной эта мало кому известная тропа, петляя, убегала к долинам далеко внизу и тянулась дальше, к Исфахану, откуда он держал свой путь. Впереди она забиралась вверх, опасно извиваясь между скалами, потом спускалась в другие долины, простиравшиеся до самого Персидского залива, и выводила к городку Ковиссу, где он родился, где теперь жил и по имени которого начал называть себя, когда стал муллой.

Его не тревожили ни опасности пути, ни холод. Эта опасность была для него чистой, такой же чистой, как холодный воздух вокруг.

Будто снова кочевником стал, подумал он, и перед глазами возникла картина прошлого: дед, ведущий их по горным склонам, как в старые времена, когда все кашкайские племена могли свободно кочевать с зимних пастбищ на летние, у каждого — и конь, и ружье, и скота в достатке; наши отары овец, стада коз и верблюдов не знали счета, наши женщины ходили, не закрывая лица, наши племена жили свободными, как десятки веков до нас жили наши предки, покорные одной лишь воле Бога, — старые времена, которым пришел конец каких-то шестьдесят лет назад, говорил он себе, чувствуя, как в нем поднимается злоба. И конец этот положил им Резахан, этот солдат-выскочка, который с помощью подлых британцев захватил трон, провозгласил себя Реза-шахом, основав династию Пехлеви, а потом, опираясь на свой казацкий полк, обуздал нас и постарался стереть с лица земли.

То промысел Божий, что со временем Реза-шах был унижен и сослан своими нечестивыми британскими хозяевами, чтобы умереть в забвении; то промысел Божий, что Мохаммед-шах был вынужден бежать из страны несколько дней назад; то промысел Божий, что Хомейни вернулся, чтобы возглавить Его революцию; на то воля Аллаха, чтобы завтра, или через день, или на следующий день я принял мученическую смерть; Аллаху угодно, чтобы всех нас подхватил Его вихрь и чтобы ныне все счета были сведены с шахскими прихвостнями и всеми иноземцами.

Вертолет теперь был ближе, но иранец по-прежнему не слышал его: шум двигателя тонул в завываниях ветра. Хусейн с чувством удовлетворения вытащил коврик для молитвы и расстелил его на снегу, ощущая, как заныли оставленные кнутом рубцы на спи-

не, потом зачерпнул пригоршню снега. Согласно ритуалу, он совершил омовение рук и лица, готовясь к четвертой молитве дня, повернулся на юго-запад, лицом к священной Мекке, лежавшей в Саудовской Аравии за тысячи миль отсюда, и направил свои помыслы к Богу.

— Аллах-у акбар, Аллах-у акбар. Ля иляха илла-ллах ва Мухаммад расулу-ллах... — Повторяя слова шахады¹, он пал ниц, давая арабским словам целиком завладеть собой: Бог велик. Бог велик. Нет (никакого) божества, кроме Бога, и Мухаммад — посланник Бога.

Ветер усилился, став еще холоднее. И тут сквозь закрывавшую уши ткань молящийся уловил пульсирующий звук реактивного двигателя. Он упорно нарастал, пока не проник к нему в мозг, изгнав оттуда умиротворение и разрушив сосредоточенность. Хусейн в гневе открыл глаза. Приближающийся вертолет шел всего в двухстах футах над землей, поднимаясь прямо на него.

В первое мгновение Хусейн подумал, что вертолет может быть военным, и им вдруг овладел страх: ищут его. Потом разглядел британские цвета — красный, белый и синий — и знакомую эмблему на фюзеляже: заглавные буквы «С-Г» вокруг красного королевского льва Шотландии — та же вертолетная компания, что действовала с воздушной базы в Ковиссе и по всему Ирану, — тогда страх покинул его, но гнев остался. Он неотрывно следил за вертолетом, ненавидя все, что тот олицетворял. Вертолет должен был пройти прямо над ним, но опасности для него не представлял — Ковисси вообще сомневался, что люди на борту его заметят, — и все равно все его существо было возмущено этим вторжением в его покой и разрушением его молитвы. И вместе с нарастающим, бьющим по ушам визгом двигателя в нем заклокотала злоба.

— Ля иляха илла-ллах... — Он попытался вернуться к молитве, но вспарываемый лопастями воздух забросал лицо снегом.

За его спиной конь испуганно заржал и взвился на дыбы; спутанные ноги не удержались на тропе и заскользили вбок. Вьючная верблюдица, тоже перепуганная, почувствовала, как задержался ее повод, с ревом поднялась, спотыкаясь и топчась на трех ногах, немилосердно перетряхивая поклажу и путая веревки.

Его ярость прорвалась наружу.

¹ *Шахада (араб.)* — «свидетельство»; выражение, вошедшее в большинство мусульманских молитв. — *Здесь и далее примеч. перев.*

— Нечестивец! — проревел он вертолету, уже почти перевалившему через гору, вскочил на ноги, схватил автомат, толкнул вниз предохранитель, дал очередь, сделал поправку и выпустил весь рожок.

— САТАНА! — выкрикнул он посреди внезапно наступившей тишины.

Когда первые пули хлестнули по вертолету, молодого пилота Скота Гэваллана на миг будто парализовало и он тупо уставился на дыры в пластиковом фонаре кабины.

— Боже милосердный!.. — охнул он; в него еще никто никогда не стрелял.

Но его восклицание покрыл голос человека на переднем сиденье сбоку от него, чья реакция была отточенной и по-боевому мгновенной.

— Давай вниз! — взревела команда в наушниках пилота. — Вниз! — снова прокричал Том Лочарт в свой подвесной микрофон, потом, поскольку своих рычагов управления у него не было, он накрыл левую руку пилота на рычаге управления общим шагом винта вертолета и толкнул ее вниз, резко сбросив мощность и подъемную силу.

Вертолет пьяно качнулся, тут же потеряв высоту. В этот момент их накрыла вторая автоматная очередь. Сверху и сзади раздался зловещий хруст, где-то еще пуля с визгом чиркнула по металлу, двигатели поперхнулись, и вертолет начал падать.

Вертолет был «Джет Рейнджер АВ 206»: один пилот, четыре пассажира — один впереди, трое сзади, — и сейчас в нем сидели все пять человек. Час назад Скот обычным порядком забрал их, вернувшихся после месячного отпуска, в аэропорту Ширази милах в пятидесяти к юго-востоку; теперь же обыденность превратилась в сущий кошмар, и гора всей массой ринулась на них, потом, чудом пропустив их за край, вдруг покатила вниз, и вертолет нырнул в ложбину, что дало ему передышку на долю секунды, которой хватило, чтобы снова оседлать воздух и обрести частичную управляемость.

— Осторожней, черт подери! — рявкнул Лочарт.

Скот и сам увидел опасность, но не так быстро. Его руки и нога пустили затрясуюся всем корпусом машину по крутой дуге вокруг высоко торчащего впереди камня. Левая лыжа шасси вскользь уда-

рилась о него, протестующее взвизгнув, и они снова понеслись вниз, скользя буквально в нескольких футах над неровной поверхностью из камней и деревьев, которая то проваливалась куда-то, то опять надвигалась.

— Давай вниз, и быстро, — говорил Лочарт, — вон туда, Скот... нет, вон туда, смотри, вдоль того гребня и в ущелье... Тебя задело?

— Нет, нет вроде. А тебя?

— Нет. У тебя сейчас все в порядке, спускайся в ущелье, давай быстрее!

Скот Гэваллан послушно заложил вираж и пустил машину в указанном направлении — слишком низко и слишком быстро, — все еще не вполне придя в себя. Во рту горчило, сердце колотилось в груди. Из-за перегородки за спиной он, сквозь рев двигателей, слышал крики и чертыхания остальных, но обернуться не рискнул и лишь тревожно спросил в микрофон:

— Там кого-то ранило, Том?

— Забудь про них, сосредоточься, следи за гребнем, я ими займусь! — настойчиво проговорил тот, рыская глазами во все стороны. Ему было сорок два года: канадец, бывший пилот Королевских ВВС, бывший наемник, а теперь старший пилот их базы «Загрос-3». — Следи за гребнем и будь готов в любой момент снова увернуться. Приникни к земле и держи машину низко. Гляди в оба!

Гребень был чуть выше их и надвигался слишком быстро. Гэваллан увидел каменный клык, выросший прямо по курсу. Он едва успел уйти вбок, как вдруг сильный порыв ветра швырнул их опасно близко к отвесной стене ущелья. Он слишком пережал рычаг управления, выравнивая машину, услышал в наушниках грязное ругательство, выровнял вертолет, увидел вдруг впереди деревья, камни и неожиданно возникший конец ущелья и понял, что им не спастись.

Все вокруг него разом остановилось, зависло, словно включили замедленное воспроизведение.

— Боже мило...

— Круто влево... обходи камень!

Скот почувствовал, как его руки и ноги подчинились, и увидел, как вертолет проскочил мимо в каких-то дюймах от скалы, метнулся к деревьям, взмыл над ними и вырвался на простор.

— Сажай его вон там, так быстро, как только сможешь.

Он уставился на Лочарта, открыв рот; в животе у него крутилась тяжелая карусель.

— Что?

— Что слышал. Сажай. Надо посмотреть, все проверить, — настаивал Лочарт, мучаясь тем, что рычаги управления не у него. — Я слышал, как что-то сломалось.

— Я тоже слышал, только вот как насчет шасси? А если там уже оторвало все?

— Ты поддержи машину на весу, шасси не нагружай. Я выскочу, проверю. Если шасси в порядке, вертолет посадим, и я его быстро осмотрю. Так целее будем. Один Бог знает, чего там натворили эти пули: маслопровод перебили или кабель задели. — Лочарт увидел, как Скот отвел взгляд от площадки вниз и оглянулся на пассажиров. — К чертям их всех, я же сказал! Разберусь я с ними! — резко бросил он. — Сосредоточься на посадке.

Он увидел, как молодой человек вспыхнул, но подчинился. Потом, борясь с внезапно накотившей тошнотой, Лочарт обернулся, ожидая увидеть повсюду брызги крови, вывернутые внутренности, услышать чьи-то вопли — вопли, тонувшие в реве моторов, — зная, что ничего не сможет сделать, пока они не достигнут спасительного убежища и не сядут: неизменная и первейшая обязанность вертолетчиков — безопасно посадить машину.

С огромным облегчением — даже голова заныла — он увидел, что три человека на заднем сиденье: два механика и еще один пилот как будто не пострадали, хотя все сидели пригнувшись, а у Джордона, механика, скрючившегося прямо за его спиной, лицо было белым как мел, и голову он сжимал обеими руками. Лочарт отвернулся.

До земли оставалось футов пятьдесят; они заходили на посадку по хорошей траектории, быстро снижаясь. Поверхность площадки была голой и белой, ни одного кустика травы не торчало над снегом, которого по бокам площадки нанесло целые сугробы. На первый взгляд — хороший выбор. Вполне достаточно места для маневра и посадки. Но как определить глубину снежного покрова и то, насколько ровной была земля под ним? Лочарт знал, как бы на месте пилота поступил он. Но рычаги управления находились не у него, и не он командовал этим вертолетом, хотя и был старшим по должности.

— Сзади все в порядке, Скот.

— Слава богу, — выдохнул Скот Гэваллан. — Ты готов на выход?

— Как тебе эта площадка?

Скот уловил предостережение в голосе Лочарта, тут же прекратил маневр, добавил мощности и завис над землей. Господи, подумал он, едва не запаниковав от собственной глупости, если бы Том меня не одернул, я бы сел прямо тут, а одному Богу известно, насколько тут снег глубокий и что там вообще под ним прячется! Он поднялся до ста футов и огляделся.

— Спасибо, Том. Как насчет вон того места?

Новая площадка в нескольких стах ярдов от них на другой стороне лощины была не такой просторной; она располагалась ниже по склону и открывала хороший путь для отхода, если он им вдруг понадобится. Поверхность была почти чистой от снега, не совсем ровной, но вполне подходящей.

— Мне оно тоже больше нравится. — Лочарт сдвинул наушник с одного уха и повернулся. — Эй, Жан-Люк, — прокричал он, перебивая шум моторов, — ты в порядке?

— Ага. Я слышал, как что-то хрустнуло к чертям.

— Мы тоже. Джордон, ты живой?

— Конечно, твою мать, живой, ч-черт! — раздраженно прокричал в ответ Джордон, тощий, жилистый австралиец, мотая головой, словно собака. — Только вот башкой долбаной прилачился, ну? Ч-черт бы побрал эти гребаные пули! Скот вроде говорил, что жизнь, черт, налаживаться стала, когда этот хренов шах смотался, а Хомейни, твою мать, вернулся! Это она так налаживается? Теперь они по нам, твою мать, пальбу открыли! Раньше такого не было. Чего ж это, твою мать, делается-то, а?

— А мне откуда знать? Наверное, какой-нибудь идиот, у которого палец на курке чешется. Сиди не высовывайся, я выскочу, взгляну быстренько что и как. Если шасси в порядке, сядем нормально, и ты с Родом сможешь все проверить.

— Чё там с долбаным давлением масла? — прокричал Джордон.

— Стрелка на зеленом. — Лочарт автоматически скользнул взглядом по приборной доске, посадочной площадке, небу: влево, вправо, вверх, вниз. Они аккуратно опускались, до площадки оставалось двести футов. В наушниках он услышал, как Гэваллан монотонно гудит какую-то мелодию себе под нос. — Ты все сделал как надо, Скот, молодец.

— Черта с два! — ответил молодой человек, стараясь, чтобы голос его звучал спокойно и буднично. — Я бы грохнулся. Когда пули ударили, меня просто парализовало, и, если бы не ты, я бы свалился.

— Вся эта свистопляска из-за меня приключилась главным образом. Толкнул «шаг-газ» без предупреждения. Ты уж извини, но нужно было срочно убрать нас с линии огня этого ублюдка. Я этому еще в Малайе выучился. — Лочарт провел там год в составе британских сил, сражавшихся с повстанцами-коммунистами. — Времени не было тебя предупредить. Садись давай как можно скорее. — Он одобрительно посмотрел, как Гэваллан завис, внимательно изучая местность под собой.

— Ты видел, кто в нас стрелял, Том?

— Нет. Хотя, опять же, я и не ждал встретить тут противника. Где думаешь садиться?

— Вон там, подальше от поваленного дерева. Хорошо?

— Вроде подходит. Давай. Так быстро, как только сможешь. Подержи машину примерно в футе над землей.

Зависание Скот выполнил идеально: машина замерла в нескольких дюймах над снежным покровом, неподвижная, как камни под ней, несмотря на порывистый ветер. Лочарт открыл дверцу. Внезапный холод пробрал его до самых костей. Он застегнул молнию на утепленной летной куртке и осторожно выскользнул наружу, пригибая голову от вращавшихся лопастей.

Передок ползкового шасси был весь в царапинах и вмятинах и немного погнут, но заклепки, крепившие его к стойкам на дне фюзеляжа, сидели крепко. Том быстро осмотрел другую сторону, еще раз проверил поврежденную часть шасси и показал большой палец. Гэваллан чуть сбросил обороты и мягко, как пушинку, посадил машину.

Тут же три человека с заднего сиденья друг за другом выбрались из вертолета. Жан-Люк Сессон, пилот-француз, нырнул в сторону, чтобы оба механика могли начать осмотр, один по левому борту, другой по правому, от носа к хвосту. Ветер от крутящихся лопастей дергал их за одежду, хлестал нещадно. Лочарт залез под вертолет, отыскивая глазами следы утечки масла или топлива, но ничего не нашел, поэтому выбрался и последовал за Родригесом. Родригес был американцем и классным спецом — его собственный механик, который вот уже год как обслуживал 212-й, на котором Лочарт обычно летал. Родригес открыл защелки на панели для осмотра двигателя и заглянул внутрь, его тронутые седой волосами и одеждой плескались на ветру.

Правила и нормы безопасности компании «С-Г» были самыми высокими среди всех вертолетных компаний Ирана, поэтому хитро-

сплетения проводов, труб, топливопроводов выглядели чисто, аккуратно — и в полном порядке. Но тут Родригес вдруг ткнул внутрь пальцем. На поддоне картера виднелась глубокая царапина — след от срикошетившей пули. Он еще раз показал куда-то вглубь, посветив себе фонарем. Один из маслопроводов задело. Когда он вытащил оттуда руку, она вся была в масле.

— Черт! — выругался он.

— Глушим мотор, Род? — прокричал Лочарт.

— Черт, нет! Может, тут где-то еще эти стрелки-идиоты попутались, да и ночевать тут нам не с руки. — Родригес вытащил кусок ветоши и гаечный ключ. — Посмотри там сзади, Том.

Лочарт оставил его заниматься своим делом и обеспокоенно огляделся, прикидывая, где можно было бы укрыться на ночь. У другого края площадки Жан-Люк невозмутимо мочился на поваленное дерево, пожевывая сигарету.

— Смотри не отморозь, Жан-Люк! — крикнул он и увидел, как тот в ответ добродушно поводит струйкой туда-сюда.

— Эй, Том! — Джордон махал рукой, подзывая его к себе.

Лочарт тут же поднырнул под хвост вертолета и подошел к механику. Его сердце на мгновение остановилось. Джордон снял смотровую панель со своей стороны. В фюзеляже зияли два пулевых отверстия, прямо над топливными баками. Господи Иисусе, опоздай мы на долю секунды, и баки бы рванули! — подумал он. Если бы я тогда не толкнул вниз рычаг общего шага, мы бы все уже были на том свете. Это как пить дать. Если бы не толкнул, куски наших тел валялись бы сейчас по всем окрестным скалам. Главное — за что?

Джордон дернул его за рукав и показал пальцем еще раз, следуя направлению пуль. На колонке несущего винта сверкала еще одна царапина.

— Чтob я сдох, если знаю, как этот кретин не попал по этим долбаным лопастям! — прокричал он; красная шерстяная шапочка, в которой он ходил постоянно, была натянута на самые уши.

— Видно, наше время еще не пришло.

— Чего?

— Ничего. Обнаружил еще что-нибудь?

— Пока ни хрена. Ты сам-то в порядке, Том?

— Конечно.

Внезапно раздался громкий треск, и все испуганно обернулись, но это оказалась лишь огромная ветвь дерева, обломившаяся под тяжестью снега.

— Espèce de con!¹ — смачно выругался Жан-Люк по-французски и пристально посмотрел в небо, отчетливо понимая, как быстро потемнеет кругом, потом, в ответ на свои мысли, пожал плечами, закурил еще одну сигарету и отошел, притопывая замерзшими ногами.

Джордон со своего бока других повреждений не нашел. Минуты текли. Родригес все еще бормотал и чертыхался себе под нос, неловко засунув одну руку глубоко в чрево отсека. Остальные сгруппировались в кучку и наблюдали за ним, стоя на безопасном расстоянии от лопастей винта. Было шумно и неудобно; света пока хватало, но это было ненадолго. Им оставалось лететь еще двадцать миль, и в этих горах никакой навигационной системы у них не было, кроме небольшого приводного радиомаяка, который иногда работал, а иногда нет.

— Ну давай же, черт возьми! — пробормотал кто-то.

Да уж, подумал Лочарт, пряча свою тревогу.

В Ширазе улетавшая группа из двух пилотов и двух механиков, которых они подменяли, торопливо помахала рукой на прощание и бегом бросилась к 125-му — восьмиместному двухмоторному реактивному самолету, который их компания использовала для перевозки пассажиров или специальных грузов, — тому самому, на котором прилетели сюда через залив из международного аэропорта Дубая, возвращаясь после месячного отпуска, Лочарт и Джордон — из Англии, Жан-Люк — из Франции, а Родригес — с сафари в Кении.

— Черт, куда это они так торопятся?! — спросил тогда Лочарт, глядя, как маленький самолет закрыл дверцу и покатил прочь.

— Аэропорт до сих пор так и работает только частично, все бастует, но ты не беспокойся, — ответил Скот Гэваллан. — Им просто нужно успеть взлететь, прежде чем этот въедливый сукин сын — во всякой дыре затычка, — который сидит в диспетчерской вышке и мнит себя даром Господа иранской службе управления полетами, отменит их разрешение на взлет. Нам бы тоже лучше сматываться отсюда побыстрее, пока он и нас не начал мочалить. Грузите свое хозяйство.

— А как же таможня?

— Все еще бастует, старина. Вместе со всеми остальными. Банки тоже закрыты. Ладно, через неделю-другую все образуется.

¹ Придурок! (*фр.*)

— Merde!¹ — выругался Жан-Люк. — Французские газеты пишут, что Иран — это полная катастрофа: с одного бока Хомейни со своими муллами, армия готова устроить переворот хоть завтра, коммунисты всех раскачивают, заводят до упора, правительство Бахтияра бессильно, гражданской войны не избежать.

— Да чего они там во Франции знают, старина, — мимоходом заметил Скот Гэваллан, помогая им перетаскивать вещи в вертолет. — Фран...

— Французы-то знают, *mon vieux*². Все газеты в голос твердят, что Хомейни с правительством Бахтияра никогда дел иметь не будет, потому что Бахтияр ставленник шаха, а всем, кто связан с шахом, конец. Крышка. Этот старый факир-огнеглотатель уже сто раз говорил, что не станет работать ни с кем, кого назначил шах.

— Жан-Люк, три дня назад в Абердине я виделся с Энди, — сказал Лочарт, — и он настроен оптимистично: мол, теперь, когда Хомейни вернулся, а шах сбежал, в Иране все скоро опять придет в норму.

— Во, слышал? — просиял Скот. — Уж если кто и знает, так это Старик. Как он там, Том?

Лочарт ухмыльнулся в ответ:

— Отлично, все такой же неугомонный. — (Энди они называли Эндрю Гэваллана, отца Скота, президента и исполнительного директора компании «С-Г».) — Энди говорил, что у Бахтияра армия, флот, ВВС, полиция и САВАК, так что Хомейни придется как-нибудь договариваться. Иначе — гражданская война.

— Господи, — пробормотал Родригес, — а какого черта мы тогда вообще назад приперлись?!

— Деньги.

— Bullmerde!³

Все рассмеялись: Жан-Люк был убежденным пессимистом. Потом Скот заметил:

— Да какая, к дьяволу, разница, Жан-Люк?! Нас ведь здесь пока еще никто ни разу не трогал, а? При всей этой кутерьме нас по-настоящему никто не пытался достать. Все наши контракты — с «Иран ойл», а это правительство, будь там Бахтияр, Хомейни или Генерал Кто Угодно. Не важно, кто у власти, им всем нужно скорее возвращаться к нормальной жизни. Любому правительст-

¹ Дерьмо! (*фр.*)

² Старина (*фр.*).

³ Дерьмо собачье! (*англ. и фр.*)

ву нефtedоллары нужны будут до зарезу, так что без вертолетов им не обойтись, без нас им не обойтись. Черт возьми, не идиоты же они!

— Нет, но Хомейни — фанатик, и ему на все наплевать, кроме ислама, а нефть — это не ислам.

— А как же Саудовская Аравия? Эмираты, ОПЕК тот же, ну? Они ведь мусульмане, а цену каждому баррелю знают. Да черт с ним, со всем этим, лучше послушайте! — Скот широко улыбнулся. — «Герни авиэйшн» ушла со всей территории гор Загрос и полностью сворачивает деятельность в Иране. Под ноль!

Это привлекло внимание каждого из них. «Герни авиэйшн», огромная американская вертолетная компания, была их основным конкурентом. Если «Герни» уйдет, работы прибавится вдвое, а все иностранные сотрудники «С-Г» в Иране получали зарплату по премиальной системе, которая была привязана к доходности иранских операций.

— Это точно, Скот?

— Точно, Том. У них с «Иран ойл» по этому поводу столько крику было, что только держись. В конце концов «Иран ойл» им говорит: ладно, хотите уходить — уходите, но все вертолеты переданы по лицензии нам, так что они останутся и все запчасти! Ну, «Герни» им и говорит: да подавитесь вы! Закрыла свою базу в Геше, все вертолеты законсервировала и отчалаила.

— Я в это не верю, — покачал головой Жан-Люк. — У «Герни» по контрактам здесь должно быть полсотни машин, даже они не могут себе позволить просто взять и списать такое их количество.

— Все равно мы на прошлой неделе уже три рейса сделали, которые раньше обслуживала исключительно «Герни».

Жан-Люк перебил ликующие возгласы:

— А почему «Герни» вдруг ушла, Скот?

— Наш бесстрашный вождь в Тегеране думает, что у них духу не хватило, не выдержали давления или не захотели упираться. Если разобраться, Хомейни свою злобу изливает в первую очередь именно на Америку и американские компании. Мак-Ивер считает, что они спасают, что можно спасти, а для нас это просто здорово.

— Мадонна, если они не смогут вывезти свои вертолеты и запчасти, влипнут по самую макушку!

— Нам-то что гадать, зачем да почему, старина, наше дело простое: бери да летай. Если упрямся и не сдвинемся с места, получим все их контракты и заработаем вдвое больше в одном только этом году.

— Tu en parles mon cul, ma tête est malade!

Они все захохотали. Даже Джордон знал, что означала эта фраза: «Скажи это моей заднице, голова-то болеет».

— Не переживай, старина, — сказал Скот.

Лочарт убежденно кивнул. Он стоял на площадке, горный холм до него еще не добрался. Энди и Скот правы, скоро все опять станет нормально, должно стать, думал он. Английские газеты тоже были убеждены, что теперь ситуация в Иране быстро нормализуется. Если только Советы открыто не вмешаются. А их предупредили. Так что в Иран не полезут ни американцы, ни Советы, и иранцы теперь смогут сами и по-своему улаживать свои дела. Это правда: кто бы ни пришел к власти, им срочно понадобятся стабильность и доходы, а это означает нефть. Да. Все будет хорошо. Она в это верит, а если она верит, что все будет чудесно, как только шаха свергнут, а Хомейни вернется, то почему бы и мне в это не верить?

Ах, Шахразада, как же мне тебя не хватало этот месяц.

Из Англии позвонить ей было невозможно. Телефоны в Иране и так никогда особенно хорошо не работали в силу огромной перегруженности линий — результат слишком скорой индустриализации. Но за последние восемь месяцев, с тех пор как начались беспорядки, из-за практически постоянных забастовок работников телефонных компаний связь как внутри страны, так и на международных линиях становилась все хуже и хуже, пока не перестала работать почти совсем. Когда Лочарт был в штаб-квартире компании в Абердине, где он проходил очередной регулярный медосмотр, ему, после восьми часов непрерывных попыток, удалось послать ей телекс. Он отправил его на имя Дункана Мак-Ивера в Тегеран, где она сейчас находилась. В телексе, впрочем, много не скажешь: скоро увидимся, скучаю, люблю...

Милая моя, теперь уже скоро, а по...

— Том?

— А-а... Жан-Люк, что там?

— Скоро снег пойдет.

— Да.

Жан-Люк, узколицый, кареглазый, с крупным галльским носом, был худым, как все пилоты. Каждые шесть месяцев они должны были проходить медосмотр с пристрастием у врачей, для которых избыточный вес не имел оправданий в принципе.

— Кто в нас стрелял?

— Я никого не видел, — пожал плечами Лочарт. — А ты?

— Тоже нет. Надеюсь, какой-нибудь спятивший одиночка. — Жан-Люк в упор посмотрел на него. — В какой-то момент мне показалось, что я снова в Алжире — эти горы от тех не сильно отличаются, — опять в ВВС, опять воюю с феллагами и ФНО¹, будь они прокляты! — Он раздавил окурок каблуком. — Побывал я на одной гражданской войне, мало не показалось. Но у меня тогда хоть были бомбы и пулеметы. Не хочется мне оказаться гражданским, который влип еще в одну и которому не на что больше положиться, кроме как на свое умение быстро сматываться.

— Это был просто спятивший одиночка.

— Думаю, Том, нам придется иметь дело с целой прорвой спятивших одиночек. У меня с самого отлета из Франции на душе паршиво. За тот месяц, что нас не было, тут все стало только хуже. Мы-то с тобой на войне побывали, а большинство остальных — нет. Мы беду носом чуем, ты и я, и мой мне говорит, что нам здесь придется очень туго.

— Да нет, ты просто устал.

— Это, конечно, верно. А Энди действительно так оптимистично настроен?

— Очень. Шлет огромный привет, говорит, чтобы не сбавляли обороты!

Жан-Люк рассмеялся, потом подавил зевок:

— Мадонна, до чего же есть хочется. Что там Скот приготовил к нашему возвращению?

— Натянул над ангаром транспарант «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ».

— На ужин, *mon vieux*. На ужин.

— Скот говорил, он с ребятами из деревни на охоту ходил, так что у него для твоих заботливых рук припасена задняя нога оленя и пара зайцев. Ну и угли для барбекю будут уже готовы.

У Жан-Люка загорелись глаза.

— Хорошо. Послушай, я привез бри, чеснок — целый килограмм, — копченый окорок, анчоусы, лук, потом несколько кило макарон, томатное пюре в банках, и жена дала мне новый рецепт от Джанни из Сен-Жана, эт-то просто что-то невероятное. И вино.

Рот Лочарта наполнился слюной. Кулинария была хобби Жан-Люка, и под настроение он творил у плиты с истинным вдохновением.

¹ Фронт национального освобождения Алжира.

— Я понабрал банок со всем, что только пришло в голову, в «Фортнум и Мейсон» и привез виски. Хей, я соскучился по твоей стряпне.

И по твоей компании, подумал он. Когда они встретились в Дубае и пожали друг другу руки, он спросил:

— Как отпуск?

— Я был во Франции, — произнес Жан-Люк с важным видом.

Лочарт тогда позавидовал, как у француза все было просто. Англия ему радости не принесла: погода, еда, отпуск, дети, она, Рождество — все выходило плохо, как он ни старался. Ладно. Я вернусь и скоро буду в Тегеране.

— Ты сегодня готовишь, Жан-Люк?

— Конечно. Как я могу прожить без нормальной пищи?

— Как весь остальной мир живет, — расхохотался Лочарт.

Они наблюдали за Родригесом, который по-прежнему работал не покладая рук. Шум реактивных двигателей стал глуше, лопасти хлестали по нему тугими струями воздуха. Лочарт показал большой палец Скоту Гэваллану, который терпеливо ждал в кабине. Скот в ответ предъявил свой, затем указал на небо. Лочарт кивнул, пожал плечами, потом опять стал наблюдать за Родригесом, понимая, что помочь ничем не может, оставалось только стоически ждать.

— Когда ты отправляешься в Тегеран? — спросил Жан-Люк.

Сердце Лочарта забилося быстрее:

— В воскресенье, если снег не пойдет. У меня отчет для Мак-Ивера и почта для них. Я возьму двести шестой. Завтрашний день уйдет на то, чтобы все проверить. Скот сказал, нам надо подготовиться, чтобы мы в любой момент могли начать полеты в полном объеме.

Жан-Люк уставился на него:

— Насири сказал, в полном объеме?

— Да. — (Насири, сотрудник компании «Иран ойл», государственной монополии, которой принадлежала вся нефть в стране, и на земле и под землей, был их иранским посредником и директором базы; через него они получали все заказы, он же давал разрешения на полеты. «С-Г» работала по контракту с «Иран ойл», проводя воздушную разведку, подвозя людей, припасы и оборудование на нефтяные вышки, разбросанные по всему горному массиву, а также занимаясь эвакуацией пострадавших при неизбежных несчастных случаях и чрезвычайных ситуациях.) — Из-за погоды

я сомневаюсь, что мы будем много летать на следующей неделе, но, думаю, на двести шестом я должен суметь выбраться.

— Ага. Тебе понадобится проводник. Я тоже полечу.

— Никак не выйдет, дружище, — рассмеялся Лочарт. — Ты мой заместитель и дежуришь две следующие недели.

— Но я там буду не нужен. На три денька, а? Посмотри на небо, Том. Я должен убедиться, что с нашей квартирой все в порядке. — (В нормальные времена Тегеран был местом базирования для всех пилотов с их семьями; пилоты две недели работали, одну отдыхали. Многие выбирали два месяца работы и месяц отпуска дома, особенно англичане.) — Мне очень важно попасть в Тегеран.

— Я проверю твою квартиру, если хочешь, и, если ты пообещаешь готовить три ужина в неделю, я тебе потихоньку выкрою два дня, когда вернусь. Ты же только что целый месяц отгулял.

— Но то ж дома. Теперь я должен подумать о *mon amie*¹. Она, конечно же, места себе не находит, когда меня в Тегеране нет, измучилась, целый месяц без меня прожила. И говорить нечего. — Жан-Люк наблюдал за Родригесом, потом снова поднял глаза на небо. — Мы можем ждать еще десять минут, Том, потом придется разбивать лагерь, пока еще светло.

— Да.

— Однако, возвращаясь к вещам более важным, Том, по...

— Нет.

— Мадонна, будь же ты французом, а не англосаксом. Целый месяц ведь! Подумай о ее чувствах!

Родригес со шелчком закрепил панель на месте и вытер руки.

— Дует отсюда ко всем чертям! — крикнул он и забрался в вертолет.

Они быстро последовали за ним. Родригес все еще пристегивал ремень безопасности, чувствуя, как ноют спина и шея, когда они поднялись в воздух и понеслись к своей базе за следующим горным хребтом.

— Ты чего уставился, Эффер? — спросил Родригес, заметив, что Джордон пристально смотрит на него.

— Как же ты залатал этот долбаный маслопровод, приятель? Там же гребаная дырища насквозь.

— Жвачкой.

— Чего?

¹ Моя подружка (*фр.*).

— Жевательной резинкой. А как же еще, черт подери! Это работало в паршивом Вьетнаме, стало быть, и здесь, черт подери, сработает! Наверное. Потому что у меня ее имелось совсем чуть-чуть, но надо же было что-то делать, чтобы уж потом, черт подери, молиться. И ради бога, прекрати ты материться, а?

Они благополучно сели на базе, когда снегопад только-только начинался. Работники наземной службы на всякий случай включили посадочные огни.

База состояла из четырех трейлеров, в которых жили люди, кухни, ангара, вмещавшего их 212-й — четырнадцатиместный вертолет, использовавшийся для перевозки людей или грузов, — и два 206-х, и посадочных площадок. Тут же стояли склады с запчастями для буровых установок, мешками цемента, насосами, генераторами и всевозможным вспомогательным оборудованием для вышек, включая бурильные трубы. База располагалась на небольшом плато на высоте семь тысяч пятьсот футов над уровнем моря, лесистом и очень живописном, в чаше, наполовину окруженной заснеженными пиками, вздымавшимися на двенадцать тысяч футов и выше. В полумиле от базы находилась деревня Яздек. Жители принадлежали к небольшому племени из числа кочевых кашкайцев, лет сто назад осевшему в этих краях, на пересечении двух больших караванных путей из тех, что пересекали Иран вдоль и поперек в течение трех, а то и четырех тысячелетий.

«С-Г» содержала здесь свою базу в течение семи лет по контракту с «Иран ойл», сначала проводя разведку и топографическую съемку местности для прокладки нефтепровода, потом помогая строить и обслуживать нефтяные вышки на близлежащих богатых нефтяных месторождениях. Это было уединенное, дикое и красивое место, где летать было интересно и безопасно, а часы работы были удобными — иранские предписания, действовавшие на всей территории Ирана, допускали проведение полетов только в светлое время суток. Летом здесь было чудесно. Большую часть зимы снег отрезал их от остального мира. Рядом лежали рыбные озера с кристально чистой водой, в лесах было полно дичи. Отношения с жителями Яздека установились отличные. Если не считать почты, снабжение у них, как правило, было хорошее, и они ни в чем не нуждались. И что для всех них было очень важно, штаб-квартира компании в Тегеране была далеко отсюда, почти все время вне

зоны радиосвязи, так что они вполне были предоставлены сами себе — и очень этим довольны.

Едва Скот выключил зажигание и несущий винт остановился, Родригес и Джордон снова сняли панель для осмотра. В следующий миг на их лицах застыло выражение ужаса. Весь низ отсека был залит маслом. К нему примешивался тяжелый запах вертолетного топлива. Трясущейся рукой Родригес пошарил внутри, потом посветил фонарем. На одном из швов на краю топливного бака виднелся крошечный разрыв, который они просто никак не могли заметить во время экстренной посадки на горном склоне. Тонкая струйка топлива сбегала вниз, смешиваясь с маслом.

— Господи Иисусе, Эффер! Смотри сюда, черт, это же натуральная бомба с часовым механизмом! — прокрипел он, а позади него Джордон едва не потерял сознание. — Одна искра и... Эффер, тащи шланг скорей, Христа ради, я тут все водой залью, пока мы не взлетели к чертям собачьим...

— Я принесу, — сказал Скот, потом добавил дрожащим голосом: — Да, похоже, одной жизнью у нас теперь меньше. Осталось восемь.

— Ты, видно, везунчиком родился, капитан, — сказал Родригес, чувствуя сильную тошноту. — Ага, именно везунчиком. Эта крошка...

Он вдруг замолчал и прислушался. Все вокруг сделали то же самое — Лочарт и Жан-Люк, стоявшие возле командного трейлера с Насири и полудюжиной наземных работников-иранцев, поварами и грузчиками. Стало очень тихо. Потом со стороны деревни донеслась еще одна автоматная очередь.

— Проклятье! — пробормотал Родригес. — За каким чертом мы только вернулись на эту вшивую помойку?

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Пятница. <i>9 февраля 1979 года</i>	13
Суббота. <i>10 февраля</i>	99
Воскресенье. <i>11 февраля</i>	193
Понедельник. <i>12 февраля</i>	265
Вторник. <i>13 февраля</i>	371
Среда. <i>14 февраля</i>	537

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Суббота. <i>17 февраля</i>	601
Воскресенье. <i>18 февраля</i>	709
Вторник. <i>20 февраля</i>	791

Литературно-художественное издание

ДЖЕЙМС КЛАВЕЛЛ
УРАГАН
Книга 1
ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

Ответственный редактор Ольга Рейнгверц
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Светлана Федорова, Наталья Бобкова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 20.12.2018. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 54. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru
В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-ABB-19693-01-R